

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С АРАБСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

А. С. Голикова

Тверской государственный университет, г. Тверь

В данной статье на примере романа А. Мустаганими "Воспоминания тела" рассматриваются некоторые из задач, встающие перед переводчиком художественной литературы с арабского на русский. Автор предлагает свои варианты решения этих задач, приводя цитаты из своего перевода данного романа и обосновывая свои переводческие решения. Особенное внимание уделяется вопросам межкультурной коммуникации и адаптации текста.

Ключевые слова: художественный перевод, частная теория перевода, методология переводческой деятельности, межкультурная коммуникация, психолингвистика.

Перевод (понимаемый как интерпретация) можно считать одним из способов основанного на герменевтических техниках понимания смыслов и метасмыслов, опредмеченных в художественном тексте. Эти смыслы и метасмыслы реализованы в национально-специфичных языковых средствах, нуждающихся в дешифровке. Чем сильнее удалена национальная культура ИЯ от национальной культуры ПЯ, тем больше усилий и находчивости переводчик вынужден прилагать при такой дешифровке. К сожалению, как правило, чем дальше друг от друга две культуры находятся, тем менее они друг другом изучены и тем менее в каждой из них разработана методология дешифровки смыслов другой культуры.

Несмотря на то, что арабская художественная литература (как современная, так и средневековая) весьма активно переводилась на русский язык не только при Советском Союзе, но и после, теоретические вопросы данного вида перевода до сих пор очень мало рассмотрены [Вартанов 1992: 1-2]. По этой причине решение изучать их на примере романа алжирской писательницы Ахлям Мустаганими «Воспоминания тела» («Zhakirat al-jisd», "ذاكرة الجسد") представляется весьма целесообразным: событие, которому он посвящён – война за независимость Алжира 1954-1962 гг. – в одинаковой степени является частью истории как Европы, так и арабского мира; действие романа частично проходит во Франции и в тексте романа часто появляются отсылки к арабским и французским авторам, многие из которых были переведены на русский (например, Анри Мишо и Эдмону Гонкуру). Таким образом, задача переводчика существенно упрощается, поскольку территория, на которой он действует, не является для предполагаемого читателя совершенно неизвестной. Именно поэтому автор статьи предпочла выбрать для изучения именно этот роман (ещё не переводившийся на русский) и сделать свой перевод этого произведения на русский с попутным объяснением переводческих решений.

Задачи, которые встают перед переводчиком, можно разделить на три группы: проблемы речевого этикета, «ложные друзья переводчика» и передача незнакомого читателю культурных отсылок. Основная проблема речевого этикета заключается в том, что, хотя в арабском языке есть псевдоплюральное «Вы» единственного числа (см. таблицу ниже), употребляется оно существенно реже, чем в русском. Как правило, в разговоре употребляется местоимение «ты», в том числе в таких ситуациях, которые в русском языке были бы неприемлемы.

Местоимения 2-го лица в арабском языке (в скобках стоят энклитические частицы, соответствующие тому или иному местоимению)		
«ты», мужской род	anta (-ka)	أنتَ (-ك)
«ты», женский род	anti (-ki)	أنتِ (-كِ)
1) «вы» к либо чисто мужской, либо смешанной группе людей из 3-х или более лиц 2) вежливое обращение к 1 человеку любого пола (<u>очень редко</u>)	antum (-kum)	أنتم (-كم)
«вы» к двум лицам любого пола	antuma (-kuma)	أنتما (-كما)
«вы» к чисто женской группе из 3-х или более лиц	antunna (-kunna)	أنتن (-كن)

Так, в примере ниже девушка-студентка университета говорит «ты» мужчине почти в два раза старше себя, ветерану войны и известному художнику, которого видит впервые за свою сознательную жизнь. В русском языке в такой же ситуации она, скорее всего, обратилась бы к нему на «вы», и перевод должен это отражать:

وعندما سألتني "هل ستكون موجوداً هنا طوال فترة المعرض؟" (...)
(Mosteghanemi 2000: 68)

Wa 'andama sa'altuni "Hal satakun mawjudan hena tawal fitrat alma'aredh?" (...)

- Вы будете здесь всё время, пока идёт выставка? – спросила ты.

Во втором примере к главному герою на «ты» обращается сосед; сосед этот не назван по имени и упоминается только один раз. Очевидно, что с главным героем они знакомы только шапочно и по-русски должны тоже обращаться друг к другу на «вы»:

كيف أنت؟ ... يسألني جار وهو يمضي للصلاة.
(Mosteghanemi 2000: 13)

Keif anta? Yasa 'luni jar wa huwa yamdhi li-s-sala.

- Как поживаете? – спрашивает меня сосед, который идёт на молитву.

Сложность несколько другого характера заключается в том, что повествование ведётся от лица главного героя, при этом часть повествования он обращается к своей возлюбленной, а другую часть – к читателю. В обоих случаях он говорит «ты», но в арабском есть два местоимения «ты» – мужского и женского рода (см. таблицу выше). Возлюбленной соответствует, естественно, местоимение женского рода, а читателю – мужского; в оригинале мы можем сказать, когда одно сменяется другим, потому что глагольные формы второго лица изменяются по родам во всех временах, а не только в прошедшем (как в русском). В русском это возможно далеко не всегда, и если переводчик будет употреблять «ты» повсюду, возникнет путаница (особенно учитывая, что значительная часть романа написана в настоящем времени). Поэтому на русском главный герой к читателю обращается на «вы», а к возлюбленной – на «ты».

ها أنتِ أمام جدلية عجيبة... تعيش في بلد يحترم موهبتك ويرفض جروحك. وتنتمي لوطن، يحترم جراحك ويرفض أنتِ.

(Mosteghanemi 2000: 73)

Ha anta amam jadliyyat 'ajiba. Ta'aish fi balad yahtarem mawhibatuka wa yarfudh juruhaka... wa tantami li watan yahtarem jarahaka wa yarfudh anta.

Итак, перед вами встаёт любопытная дилемма: страна, в которой вы живёте, чествует ваш талант, но отвергает ваши раны; а родина, которой вы принадлежите, чествует ваши раны, но отвергает вас.

(В этом примере он описывает ситуацию в послевоенном Алжире с точки зрения ветерана войны, обращаясь к читателю. Как мы видим, глаголы تعيش (ta'asish, «ты живёшь») и تنتمي (tantami, «ты принадлежишь/являешься гражданином») стоят в мужском роде 2 лица ед. числа. Соответствующие формы женского рода выглядели бы как تعيشين (ta'aishin) и تنتمين (tantamin).)

ومصادفتك أجمل ما حلّ بي منذ عمر.

(Mosteghanemi 2000: 67)

Wa musadifatuki ajmal ma halla bi mindhu amr.

А случай, что свёл меня с тобой – самое прекрасное, что было за всю мою жизнь.

(В этом примере он же обращается к возлюбленной, что очевидно даже без контекста.)

Другой аспект речевого этикета – такие обращения, как «господин/госпожа». В Алжире уважительное обращение к мужчинам – «си» (сокращение от «сиди» (سيدي) – «мой господин»). Как правило, подобные

обращения (мистер, месьё, герр...) оставляются без перевода и пишутся с маленькой буквы:

(...) بعدما اتصل بي (سي الشريف) من قسنطينة, ليطلب مني بيع ذلك البيت الذي لم يعد هناك ضرورة لوجوده, والذي اشتراه (سي الطاهر).

(Mosteghanemi 2000: 56)

(...) *ba'adama atasala bi si ash-Sharif min Qasantina, li yatlub minni biya'a dhalika l-bayt al-ladhi lam ya'ad hunak dhurura li wujuduhu, wa al-ladhi ashtarahu si at-Taher.*

Тогда мне из Константины позвонил си аль-Шариф и попросил продать дом си Тахера, уже не нужный.

Тем не менее, в одном случае представляется допустимым отступить от этого правила, чтобы передать просторечие и создать более привычную для читателя атмосферу:

- أهلاً سي خالد... واش راك اليوم...؟ يسلم عليّ جار.

(Mosteghanemi 2000: 12)

- *Ahlan si Khaled... wash rak al-youm? Yasallim aleyya jar.*

- Добрый день, мусьё Халед... как поживаете? – приветствует меня сосед.

Здесь сосед говорит на алжирском диалекте, тогда как почти всё повествование ведётся на литературном арабском. Диалект на фоне литературного арабского очень сильно выделяется и, как правило, является маркером разговорности или просторечия. Перевести диалект нельзя, но можно написать такую же просторечную или разговорную фразу на русском. Искажённое «мусьё» несёт оттенок просторечия и вполне допустимо: у элиты колониального Алжира французский был вторым родным языком, поэтому неудивительно, что подобные слова у них могут быть в ходу до сих пор, а обращение к Халеду в таком духе оправдано ещё и тем, что он долго жил во Франции.

قالت وهي تعرفني بنفسها:

- الأنسة عبد المولى. إني سعيدة بلقائك.

(Mosteghanemi 2000: 54–55)

Qalat wa hiya ta'arifuni bi nafsaha:

Al-anisa 'Abd-al-Mawla. Innani sa'aida bi laqa'ik.

Девушка представилась мне:

Мадемуазель Абд-аль-Мауля. Рада нашему знакомству!

«Аниса» – общеарабское обращение к незамужней девушке. В отличие от «си», оно встречается только один раз, к тому же пишется с заглавной буквы, потому что стоит в начале предложения. Таким образом, если в случае с «си» читатель может догадаться, что это слово означает господин, то здесь это менее

вероятно. Перевести этот термин, назвав девушку госпожой, сударыней или барышней (а тем более гражданкой или товарищем) не позволяют нормы современного русского языка, а также время и место диалога (Франция, 70-е годы). Диалог между Абд-аль-Мауля и главным героем происходит в Париже, на выставке, где большинство посетителей – французы, и подразумевается, что говорят персонажи тоже на французском. Сейчас обращения «mademoiselle» во французском нет, но в те времена оно ещё было, поэтому, чтобы не перегружать текст сносками и экзотическими для читателя словами, лучше всего употребить в переводе его; тем более, в другом месте романа оно появляется в отношении другой героини того же возраста, что Абд-аль-Мауля:

أيعقل بعد عشرين سنة أن أصافحك وأسالك بلغة فرنسية محايدة:

– Mais comment allez-vous, mademoiselle?

فتتردين علي بنفس المسافة اللغوية:

– Bien, je vous remercie... (Mosteghanemi 2000: 66)

A ya'aqal ba'ad a'shrin sina an asafuhaki wa 'asaluki bi lugha faransiya muhaida: «Mais comment allez-vous, mademoiselle?» Faturaddin aley bi nafs al-masafa al-lughawiyya: «Bien, je vous remercie...»

Разве можно спустя двадцать лет просто пожать тебе руку, безразлично спросить по-французски: «Mais comment allez-vous, mademoiselle?» и услышать твой ответ, настолько же безразличный: "Bien, je vous remercie...»?

К «ложным друзьям переводчика» относятся три очень важных для романа слова: مجاهد (mujahid), شهيد (shahid) и جنون (junun). Начнём с первого: в русском языке слово "моджахед" есть, но коннотации у него существенно иные, нежели в оригинальном (арабском) языке вообще и в романе Мустаганями в частности. «Исламский энциклопедический словарь говорит следующее: «Ведение боевых действий для охраны имущества и защиты людей является обязательным (фард) в исламе (...) Мусульмане, участвующие в войнах, называются муджахидами» [Али-Заде 2007], а также приводит слова пророка Мухаммеда: «Настоящий муджахид тот, кто ведёт борьбу со своими пороками» (Тирмизи, Джихад 2) [там же]. В современном же русском языке это слово имеет совершенно другие и очень негативные коннотации, что очевидно по примерам употребления слова «моджахед» в Национальном корпусе русского языка:

«Быстрая и чёткая реакция. Интересно, где так насобачился этот «моджахед»? Ведь в горах-то бизнеса и офиса нет...» [Павел Евдокимов. Тень «Норд-Оста» (2003) // «Спецназ России», 2003.06.15]

«Я не пленный. Я моджахед, мусульманин, – заявил Касим. – Борюсь против русских, против коммунистов». [Е. Черных. Моджахеды отца дорожке... // «Комсомольская правда», 1991]

«Посылаешь крупному чиновнику или предпринимателю видеодиск, а там сидит моджахед, весь в чёрном, как ангел смерти...» [Дарья АСЛАМОВА.

Ваххабиты пытаются превратить Татарстан в часть арабского халифата // Комсомольская правда, 2012.09.18]

Поскольку термин многозначен (см. выше цитаты из словаря, где говорится и о боевых действиях, и о борьбе с собственными пороками), то и переводить его стоит в разных случаях по-разному:

(...) فتوصلك مسالكها المتشعبة, وغاباتها الكثيفة, إلى القواعد السرية للمجاهدين, وكأنها تشرح لك ومغارة بعد أخرى. شجرة بعد شجرة.

(Mosteghanemi 2000: 25)

(...) *Fatawassilaka masalikaha al-mutasha'aba, wa ghabataha al-kathifa, ila al-quwa'ad as-sirriya li-l-mujahidin, wa ka'annaha tashruh laka shajara ba'ad shajara, wa maghara ba'ad ukhra.*

Эти извилистые тропинки ведут вас сквозь густые леса в тайные укрытия воинов свободы, будто бы разъясняя вам по пути секреты каждого дерева, каждого грота.

Данная цитата достаточно лирична и поэтична (герой, которому уже за пятьдесят, размышляет об утраченной юности), поэтому «борцы за свободу» успешно в неё ложатся, а главное, являются, пожалуй, самым близким по смыслу вариантом перевода.

ولم يكن هناك من مجال للنقاش أو التردد. كان النقاش فقط, حول الطرق الآمنة التي يمكن أن نسلوها حتى تونس, حيث كانت القواعد الخفية للمجاهدين.

(Mosteghanemi 2000: 34)

Wa lam ykn hunak min majal li-n-nuqash aw al-taraddud. Kan an-nuqash faqat hawl at-turq al-amna al-lati yumkin an nasallukaha hatta Tunus, heithu kanat al-quwa'ad al-khalfiya li-l-mujahidin.

Не было времени ни на раздумья, ни на споры – спорить можно было только о том, каким путём будет безопаснее всего добраться до Туниса, где располагались тыловые базы наших бойцов.

Вторая цитата более простая по стилю и настроению, что соответствует ситуации (главному герою нужно ампутировать руку, а сделать это можно только в Тунисе), поэтому «муджахидин» переводятся прозаичным и кратким «наши бойцы».

О слове «шахид», которое также есть в русском языке, «Исламский энциклопедический словарь» говорит следующее: «В Исламе этот термин применяется как в отношении свидетеля на суде, так и в отношении верующих, принявших мученическую смерть на войне против врагов, сражаясь во имя Аллаха, защищая свою веру, родину, честь, семью». [Али-Заде 2007] Здесь мы наблюдаем весьма интересную параллель между исламом и христианством: греческое слово *martyros*, которое на русский обычно переводится как «мученик», буквально означает «свидетель» [Гуревич 2003: 331–332]. Когда

русский язык осваивал христианскую терминологию, он не стал переводить это слово буквально, а вот арабский (поскольку ислам многое позаимствовал у христианства и иудаизма) просто калькировал греческий термин. Несмотря на это, в современном русском у слова «шахид», опять же, исключительно негативные коннотации, поэтому при переводе это слово, как и слово «муджахид», нельзя просто транскрибировать:

«Я уже видел подобное на витраже – иначе подумал бы, что это шахид в момент разрыва». [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)]

«Отнюдь не шахид, подорвавший себя вместе с грузовиком взрывчатки». [Юлия Калинина. Врачи виноваты (2003) // «Московский комсомолец», 2003.01.01]

«Это настоящие «шахид-такси», плавание на которых – огромный риск». [Владимир ДЕМЧЕНКО. Корабли губит не море, а люди // Комсомольская правда, 2012.01.18]

Как правило, в романе "шахид" успешно переводится словом "мученик"; во втором примере появляется игра слов, но, к счастью, в русском её тоже удаётся сохранить:

(Mosteghanemi 2000: 26) لم يكونوا شهداء... كان كل واحد منهم شهيداً على حدة.
Lam yakunu shuhda'... Kana kul wahed minhum shahidan 'ala hadda.

Они не были «мучениками» вообще – каждый из них стал мучеником своим, особым способом.

... أنا الذي كنت, حسب قانون الحماقات نفسه, الشاهد والشهيد دائماً في قصة لم يكن فيها من مكان سوى لبطل واحد.

(Mosteghanemi 2000: 20)

Ana al-ladhi kuntu, hasb qanun al-hamaqat nafsahu, ash-shahed wa ash-shahid da 'iman fi qissa lam yakn fiha min makan sawwa li batl wahed.

В этой истории, где было место только для одного героя, я, в полном соответствии с законом подлости, был мучеником и мучимым (букв: «и свидетелем, и видящим» - автор играет разными существительными, образованными от одного глагола).

جنون (junun) буквально переводится как «безумие», но, судя по контекстам, в котором оно появляется, понимать его следует скорее как «любовная страсть»:

أواصل البحث في وجهك عن بصمات جنوني السابق. أكاد لا أعرف شفاهك ولا ابتسامك وحمرك الجديدة. (Mosteghanemi 2000: 17)

Awasalu l-bahth fi wajahuki 'an basmat jununi as-sabeq (букв: «следы моего бывшего безумия»). *Akad la a'arafu shafahuki wa la ibtasamuki wa hamratuki l-jadida.*

Я продолжаю искать в твоём лице следы того, что некогда вызывало во мне страсть, и понимаю, что твои губы, улыбка и новая помада мне едва знакомы.

При встрече с отсылками к арабской культуре, как правило, приходится несколько разворачивать оригинальный текст, чтобы их пояснить. Разберём следующий, очень характерный пример:

ويحضرني ذلك البيت الشعري القديم الذي لم أصدقه من قبل:
أَعِدَّ اللَّيَالِي لَيْلَةً بَعْدَ لَيْلَةٍ وَقَدْ عَشْتُ دَهْرًا لَا أَعِدُّ اللَّيَالِيَا

(Mosteghanemi 2000: 70)

Wa yahdhuruni dhalika l-bayt ash-sha'a'iri al-qadim al-ladhi lam asaddaqahu min qabl (букв: «и мне пришли на ум те старинные стихи, которым я раньше не верил»): *A'udda l-layali laylatan ba'ada laylatin* / *Wa qad a'ishtu dahran la a'uddu l-layaliya* (букв: «Ночь за ночью я считаю ночи / За всю свою долгую жизнь до сих пор я не считал ночей»)

Мне вспомнились слова старинного поэта Кайса, прозванного Маджнун, которым я раньше не верил. Возлюбленную Кайса звали Лейла, что значит «ночь», и он писал, намекая на её имя:

Не считал я досель часы, не видал, как время текло,
А теперь – одну за другой – я ночей считаю число.

В оригинале не говорится ни о Кайсе-Маджнуне, ни о Лейле, но арабоязычный читатель сразу поймёт, что они подразумеваются. Легенда о Маджнуне и Лейле – такой же символ несчастной любви для арабоязычного и мусульманского мира, как повесть о Ромео и Джульетте – для Запада, но прототипы этих героев – бедуинский поэт 7 в. Кайс ибн аль-Мулаввах и его двоюродная сестра Лейла – действительно существовали, и до нас дошли стихотворения Кайса, некоторые из которых были переведены на русский (выше цитируется перевод этих стихов С. И. Липкина) [Фильштинский 1975: 143–182]. Арабоязычный читатель может не знать, что главный герой цитирует именно касиду Маджнуна, но, заметив, что в оригинале слово «ночь» (оно же имя Лейлы) или «ночи» повторяется целых четыре раза в пределах двух стихов, он поймёт, что это – намёк на имя Лейлы, а вслед за этим путём ассоциаций выйдет на легенду о несчастной любви и поймёт, что главный герой сравнивает себя и свою возлюбленную с Лейлой и Маджнуном. Чтобы сохранить хотя бы часть этих ассоциаций, приходится несколько разворачивать текст в переводе.

В заключение можно сказать, что теория перевода с арабского очень мало изучена и поэтому представляет собой перспективную область для дальнейших исследований. В данной статье рассматриваются главным образом психолингвистические проблемы данного вида перевода, но в дальнейшей перспективе автор также планирует рассмотреть грамматические и синтаксические трансформации, обусловленные большой разницей между арабским и русским языками (ввиду того, что первый относится к

афроазиатской макросемье языков, второй – к индоевропейской), и чисто языковые особенности художественного текста на том и на другом языке.

ЛИТЕРАТУРА

Mosteghanemi A. *Zhakirat al-jisd*. Beirut, Dar al-adab, 2000. 406 s.

Али-Заде А. Исламский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://darul-ilm.ucoz.ru/enciklopediya/ehnciklopedija.pdf> (дата обращения: 10.12.2017)

Вартанов Ю. П. Проблемы теории и практики литературного перевода с арабского: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Ю. П. Вартанов ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург, 1992. 17 с.

Маджнун // Арабская поэзия средних веков / Пер. С. И. Липкина; сост. И. М. Фильштинский. - М.: Художественная литература, 1975. С. 143–182

Мученики // Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 331–336. 632 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.12.2017)

THE CHALLENGES OF TRANSLATING LITERARY FICTION FROM ARABIC INTO RUSSIAN

A.S Golikova
Tver State University, Tver

This article describes some of the challenges that arise from translating fiction from Arabic into Russian, using the case of the novel *Zhakirat al-jisd* (known to English-speaking readers as either *Memory In The Flesh* or *The Bridges Of Constantine*) by Ahlam Mosteghanemi. The author then provides some examples from her own translation of this novel and explains the decisions behind her solutions. Particular attention is given to the issues of cross-cultural communication and text adaptation.

Keywords: literary translation, local theory of translation, methodology of translation, cross-cultural communication, psycholinguistics.

Об авторе: Голикова Александра Сергеевна, магистрант второго курса ТвГУ, email: g_a_s777@mail.ru